

ОРДУНИ

Дух

КРОМАНЬОНЦА

Ордуни

Дух кроманьонца. Рассказ

«Издательские решения»

Ордуни

Дух кроманьонца. Рассказ / Ордуни — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857639-3

Федор Малюта в бюрократической системе занимал место если и не на самом верху, то где-то в окрестностях чиновничьего Парнаса. Нет сомнений в том, что он так и пребывал бы в полной уверенности, что все судьбоносные вопросы лежат исключительно в компетенции его ведомства, которое, по причине особой значимости, можно было смело назвать Департаментом судебных. Однако в настоящем департаменте судебных, о существовании которого Федор, разумеется, не догадывался, придерживались совершенно иного мнения...

ISBN 978-5-44-857639-3

© Ордуни
© Издательские решения

Дух кроманьонца

Рассказ

Ордуни

© Ордуни, 2019

ISBN 978-5-4485-7639-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь легче умертвить, чем умерить.

Сенека

«Стройся!» Грозно прозвучала строевая команда, и зеки замерли в ожидании переключки. Высоченный офицер в серой каракулевой папахе возвышался перед строем, словно телеграфный столб. Задрал голову и заложив руки за спину, он надменно зыркал на заключенных, неспешно, одну за другой, называл фамилии и каждый раз так презрительно, словно хотел втоптать в грязь их владельцев. До рассвета еще было часа три, мороз нещадно щипал лицо и в особенности нос и уши, а пальцы ног уже успели онеметь. Федор Малюта стоял в первом ряду и безразлично глядел на каланчу, чей голос громовыми раскатами раздавался по зоне, внушая невольное уважение, а если быть точнее, – страх. «Малюта! Федор Малюта! – очередь дошла и до него. – Малюта! – в ответ тишина. – Малюта! Оглох что ли? – Федор тяжело вздохнул и безразлично произнес: – Федор Малюта, статья сто пятая...»

Да, да, та самая пресловутая сто пятая или, в простонародье, мокруха, а в переводе на литературный язык – убийство. Как так вышло, что рядовой служащий, обыкновенный чиновник, пусть порядком амбициозный, пусть преисполненный гордыни и тщеславия – пусть! но в целом законопослушный гражданин, докатился до убийства, одного из тягчайших преступлений против личности! Между прочим, той самой личности, на службу которой он был поставлен государством.

Федор Антонович Малюта был чиновником средней руки, и в бюрократической системе занимал место если и не на самом верху, то где-то в окрестностях чиновничьего Парнаса. Житейские проблемы Федора Антоновича волновали мало, а социальные штормы и ураганы, о существовании которых он успел порядком позабыть, затихали задолго до дверей его кабинета – уж слишком высоко он забрался. Для обычных граждан, ну тех, которые без связей и блата, Федор Антонович Малюта был практически недосягаем, а от его подписи зависело, где человек будет жить – в грязной коммуналке с пьяницами соседями или в уютных покоях в спальном районе. Жил Федор Антонович на широкую ногу, уверенно продвигался по карьерной лестнице, обзаводился нужными связями и важными знакомствами, зарабатывал деньги, строил загородный дом с мансардой, раз в год летал с семьей на лазурное побережье, словом, жил, как и полагается всем нормальным людям, знающим себе цену... Нет сомнений в том, что Федор Антонович так и пребывал бы в полной уверенности, что все судьбоносные вопросы лежат исключительно в компетенции его ведомства, которое, по причине особой значимости, можно было смело назвать Департаментом судебных. Однако в настоящем департаменте судебных, о существовании которого Федор Антонович, видимо, не догадывался, придерживались совершенно иного мнения...

В тот злополучный день Федор Антонович Малюта собрался домой пораньше: у его супруги были именины. И хотя свою жену он не очень то и любил, по обыкновению приготовил ей дорогой подарок. Спроси его, кому собственно этот подарок был нужнее – ему или ей,

Федор Антонович ответить правдиво затруднился бы. Уж очень силен был эгоизм в нем. Силен настолько, что Федор даже не знал о его существовании, и только безропотно потакал каждой его прихоти. И так было до тех пор, пока коса не нашла на камень...

Федор Малюта вышел из своего кабинета в предвкушении восторга супруги. В такие минуты он чувствовал себя на вершине мироздания. Он, Федор Малюта, может всё, он зарабатывает денег больше, чем в состоянии потратить его жена! Разве сознание своей значимости не стоит денег, пусть даже больших?! Он самонадеянно полагал, что на целом свете нет такой женщины, желания которой он не смог бы удовлетворить... И вообще, если быть откровенным, надо признаться, что к слабому полу Федор Антонович относился высокомерно, поглядывая на них из окон своего роскошного кабинета сверху вниз, почти так же, как сейчас на него глядел высоченный офицер в серой каракулевой папахе... Да и ситуация, собственно говоря, располагала к такому отношению. На работе Федора чуть ли не боготворили, многие даже побаивались, да чего уж греха таить – откровенно боялись. Дома он тоже был непререкаемым авторитетом. Боялась ли его жена, сказать сложно, только не выказывать мужу уважение не решалась. Любила ли она его, об этом Федор даже не задумывался. Любил ли он сам? Вопрос куда более сложный. Тяжело совмещать любовь к себе с любовью к другим, особенно если любовь к себе всепоглощающая. Увы, единственно известная Федору любовь была любовь к самому себе. Ну и что! Ведь дом – полная чаша, на службе блестящие перспективы, чего еще может желать женщина? Повторюсь: на женщин Федор смотрел свысока. Где им до него! «Баба – дура не потому что дура, а потому что баба». В чем-чем, а в этом Федор Малюта был абсолютно уверен. И главное, это его заблуждение до сих пор не сильно осложняло ему жизнь. А жизнь его, в чем он был абсолютно убежден, удалась. Единственное, чего ему не хватало, так это кресла в префектуре... Федор был уверен, что получи его, он станет самым счастливым человеком на свете. Хотя, говоря по-правде, задумываться о счастье Федор не желал. То ли он боялся признаться себе, что ничего о счастье, собственно, и не знает, то ли понимал, что жизнь его идет не в том направлении, в каком надо бы, то ли бог знает что еще. Куда легче было мечтать о кресле в префектуре, а там будет видно. Но Федору было невдомек, что и «там» ничего видно не будет, точнее, будет видно, да только совсем не то, на что он так рассчитывал...

Итак, закончив свои текущие дела, Федор Антонович запер свой кабинет, дал ценные указания смазливой секретарше Аллочке и собирался было уже уйти, как возле приемной краем глаза заметил одиноко сидящую посетительницу. Федор машинально остановился и недовольно посмотрел в ее сторону. По выражению лица можно было легко догадаться и о его мыслях: «И чего вам всем тут надо. Приема давно нет! Всё ходят и ходят, словно к себе домой! Медом что ли здесь намазано!» Тут женщина подняла голову, взглянула Федору в глаза и... погубила его. Увы, так бывает. Живет себе человек и в ус не дует, жизни радуется, планы строит, и вдруг – раз, и нет ни человека, ни... Словом, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

Федор какое-то время стоял неподвижно, тщетно пытаясь что-то сказать. Только вот его язык, который всегда был хорошо подвешен, на это раз повиноваться ему категорически отказался. Напускная гримаса с его лица куда-то исчезла, уступив место естественным эмоциям... Тем самым эмоциям, которые заставляют глупеть умных и сильных мужчин перед глупыми и слабыми женщинами... Сделав несколько неудачных попыток связать пару слов, Федор развел руками и, понимая всю комичность своего положения, поспешно выбежал на улицу. Свежий воздух сделал свое дело, и как только способность здраво мыслить к нему вернулась, Федор сразу же позвонил Аллочке и строго-настрого наказал ей сию же минуту принять посетительницу и узнать о ней всё, что следует.

– Федор Антонович, миленький, – начала было оправдываться испуганная его тоном секретарша, – она уже давно тут сидит, я ведь вам говорила, да только вы велели никого не пускать...

День рождения супруги был сорван. Федор Малюта прикинулся слишком занятым и домой не пошел, хотя назвать его невнимательным или беспечным было бы большим преувеличением. Только теперь все его помыслы были о ней, а следовательно, никакими второстепенными делами заниматься Малюта уже не мог. Аллочка сообщила ему, что визитершу зовут Ирма Николаевна Вавилина и что она желает попасть к нему на прием по личному вопросу. Федор более не мог думать ни о семье, ни о работе, ни о чем другом, и только и делал, что грезил о таинственной гостье. К великому удовольствию и одновременно несчастью Малюты, цель визита Ирмы Николаевны была, говоря чиновничьим языком, в рамках его компетенции.

На следующий день Федор распорядился, чтобы Вавилиной назначили прием уже в ближайший понедельник, то есть через день. Окажись на ее месте кто-нибудь другой (без связей), раньше чем через год до них бы и очередь не дошла! А сколько времени заняло бы решение самого вопроса, об этом лучше благоразумно промолчать... Тем более, что вопрос, с которым пришла Ирма Николаевна, не только требовал много времени и сил, но, и это главное, относился к разряду тех дел, которые, как правило, сразу же откладываются в долгий ящик, где преспокойно предаются забвению... ну, хорошо, скажем иначе: дождаются нужного случая, а точнее говоря, нужного клиента. Но это, как правило. В данном же случае дело касалось самого Федора Малюты, его кровного интереса, перед которым всё остальное меркло, а «клиента нужнее» просто и быть не могло... Он задействовал все свои знакомства, вовлек в это дело таких больших людей, подобраться к которым простым смертным просто невозможно. Но Ирма лишила его разума, и при одном ее виде, будущее для Малюты прекращало свое существование, и он растворялся целиком и полностью в настоящем, и это настоящее заключалось только в ней. Словом, вопрос, разрешения которого рядовые граждане ждут годами, а то и десятилетиями! для Ирмы Вавилиной был решен за пару минут. Вавилина ни много ни мало получила ордер на новую трехкомнатную квартиру в престижном районе. Только вот незадача, она совершенно не отреагировала на этот широченный жест Федора, точнее говоря, отреагировала, только совсем не так, как он ожидал. Он, видимо, наивно полагал, что Вавилина бросится к его ногам, станет его «душой и телом», мечтал, что теперь-то она наверняка станет по праву его наложницей. Слово *содержанка*, более точно отражающее желаемые им отношения, казалось Малюте аляповатым. А *наложница* — совсем другое дело. С такой женщиной под рукой ему и море будет по колено, и горы по плечо. Он уж, грешным делом, подумал: «А как же „Бабыя дорога – от печи до порога!“? Нет, это сказано не про Ирму, она не такая...» Какая была Ирма Вавилина на самом деле, Федору лишь только предстояло узнать. Пока же он строил свои гаремные планы, воплотить которые рассчитывал с помощью заветного ордера... Только куда там!

– Спасибо, Федор Антонович, вы очень любезны. Я вам что-то должна за срочность? – Ирма Николаевна сказала это таким тоном, словно он уступил ей место в трамвае.

«Господи! За срочность! И это она называет срочностью! Да я для нее совершил чудо! А она говорит: „За срочность!“»

Разгневанный, а еще больше обескураженный таким поведением Ирмы Федор хотел было высказать ей всё, что он о ней думает, однако, взглянув на свою избранницу, только пролепетал:

– Нет, что вы, Ирма Николаевна! Для меня это сущие пустяки...

На этом они и расстались: она ушла, а он сидел и кусал себе локти.

Сказать, что Ирма понравилась Федору Малюте, – не сказать ровным счетом ничего. Он лишился аппетита и покоя, за какие-то две недели похудел, осунулся, стал нервным и рассеянным. Окружающие стали замечать перемену в его поведении, он погрузился в себя и ничего и никого вокруг не замечал. Федор потерял сон, а те редкие часы, когда ему удавалось ненадолго вздремнуть, в сновидениях к нему являлась она... Дело дошло до того, что Федор стал грезить даже наяву. Через неделю бессонных ночей под предлогом оформления каких-то документов Федор Малюта снова вызвал Ирму.

– Федор Антонович, я думала, что мы всё закончили... Вы меня огорчаете... – недовольно начала Ирма Николаевна. – Сколько еще вы намерены меня терзать?

Малюта онемел.

– Что вы! Что вы! – замахал он руками, то краснея, то бледнея, то и дело вытирая платком лоб. – Только пара подписей, и всё! Приходите, когда вам будет удобно... это всего лишь технические детали.

– Ну, тогда другое дело... – уже ласковее ответила Ирма, словно не ей, а она сделала одолжение. – Завтра утром вас устроит?

– Конечно, устроит, Ирма Николаевна, конечно! завтра с утра буду вас ждать, – затараторил Малюта, судорожно сжимая в руке трубку. – Очень ждать...

Он так разволновался, что совершенно забыл о том, *кто* он, *что* ей сделал, и самое главное, что завтра с утра он собирался зайти к мэру, чтобы просить у градоначальника поддержки при решении вопроса о его назначении на новую должность. Он хотел перезвонить Ирме, чтобы перенести их встречу на другой день, только сделать этого не решился. Куда легче оказалось позвонить мэру и соврать, что, мол, прийти завтра он не сможет по причине плохого самочувствия.

Ирма на следующий день пришла с большим опозданием, бесцеремонно подошла к ожидавшему ее Федору, уперлась руками о край его стола, да так, что своим декольте ослепила и без того потерявшего от любви голову чиновника.

– Вы знаете, Федор Антонович, – начала Ирма Николаевна, не меняя позы и не здороваясь, – я ведь всё рассказала своему... – она остановилась.

– Что рассказали? Кому? – Федор испугано вытер выступивший на лбу пот.

Ирма лукаво улыбнулась.

– Угадайте с трех раз, кому я могла рассказать про ваш подарок?

– Не знаю... мужу, наверное...

– Да, наверное, мужу...

– Рассказали что, Ирма Николаевна? Я вас не понимаю...

– Рассказала о том, что у меня появился благодетель... Эта такая редкость в *наше* время и в *ваших* кругах... Мой, конечно, очень удивился, всё спрашивал, с чего бы это такие подарки? Ну, вы понимаете... Может ревность, может зависть... Такой подарок! Ему, бедолаге, и невдомек, что можно просто так помочь ближнему...

– Помилуйте, Ирма Николаевна, это вовсе не подарок, вам просто положено...

– Положено? – усмехнулась Ирма.

– Ну, да... законом положено... – начал выкручиваться Федор, не понимая, к чему все эти фортели.

– Знаете, мой бывший любил говорить: «что положено, на то наложено». Хотя, чего это я о нем вспомнила?... Где мне надо расписаться?

– Ах, да, расписаться, – спохватился Малюта, не в силах ничего понять из ее сказанного, и, пользуясь удобным моментом, со словами: «минуточку, я сейчас», вскочил со своего кресла и чуть ли не пулей вылетел из кабинета.

Секретарша Аллочка, видя, что ее босс, красный, как рак, носится по приемной, словно угорелый, испуганно спросила:

– Федор Антонович, что с вами? Что вы ищете? Может надо помочь?

– Заткнись, дура! – буркнул Малюта, опрокинул в себя стакан воды и, схватив со стола первый попавшийся документ, поспешно вернулся к себе.

Аллочка лишь испуганно пожала плечами.

– Вот тут... и вот тут... – замурлыкал Федор как можно мягче, подсовывая Ирме бумаги, не имевшие к ней никакого отношения.

Когда «формальности» были позади и Ирма собралась уходить, Федор собрал всю свою волю в кулак и произнес:

– Ирма Николаевна, можно попросить и вас об одолжении?

– Меня об одолжении?.. – Ирма подозрительно посмотрела на него. – Ах да, конечно... Значится, мой все-таки был прав... – сказала она и весело рассмеялась. – А я-то уж подумала, что вы и не человек вовсе, меценат вы мой!

– Я... я... вы только ради бога поймите правильно... – пролопотал Малюта.

– Федор Антонович, я всё прекрасно понимаю, я уже большая девочка, – сказала Ирма, теребя пуговицу на кофточке. – Говорите, сколько?

– Сколько чего? – опешил Федор.

– Ну, рублей, наверное, или, может... я не знаю, какую валюту вы предпочитаете...

– Господи! Что вы такое говорите! Как можно! Неужели вы такого плохого обо мне мнения? Я совсем другое имел в виду...

– Другое? – в голосе Ирмы моментально зазвучали стальные нотки, а она сама показалась Федору твердой, как гранит.

– Да... то есть нет... я просто хотел сказать... – лепетал Федор, видя такие метаморфозы в ее поведении.

Ирма Николаевна резко перебила:

– Хам! Люмпен! Прощайте!

Она вышла, хлопнув за собой дверью так сильно, что бумаги на столе сдуло потоком воздуха, а секретарша в приемной аж подпрыгнула на своем месте. Когда Вавилина ушла, Аллочка робко заглянула в кабинет шефа и тихо спросила:

– Федор Антонович, что случилось?

– Вон! – заорал Малюта нечеловеческим голосом. – Пошла вон!

Девушка спешно закрыла дверь, оставив шефа одного. А Федор сидел мрачнее тучи, погружившись в тягостное раздумье, когда к нему впервые явился дикарь...

Итак, пав жертвой неопишуемого обаяния прекрасной Ирмы Вавилиной, Федор неожиданно почувствовал страшную вонь, исходящую откуда-то сзади. Резкий запах потного, грязного тела сильно ударил ему в нос. Он в недоумении обернулся и остолбенел. Подле него стоял полуголый, волосатый мужчина с грязной засаленной шкурой на плечах.

– Привет, люмпен! – произнес пришелец.

Федор протер глаза. Сложно сказать, что именно это было, только Федор почему-то не очень испугался странного гостя. Вероятно, он, как обычно, грезил, или ему просто почудилось, а может, это была его совесть, или древнему духу воина, живущему в каждом мужчине, удалось покинуть на время свою брентную оболочку и взглянуть на самого себя со стороны. Как бы оно там ни было, но дикарь из глубин той далекой эпохи, где теряются корни рода человеческого, был каким-то образом спроецирован наружу воспаленным мозгом откуда-то из недр сознания Малюты. Все это было сродни сеансу медиума, в реальность чего Федор, между прочим, никогда особенно не верил, считая все это шарлатанством и надувательством. Тем временем дикарь спросил его:

– А ты ничего не хочешь мне сказать?

– Я? – оторопел Федор.

– Ну не я же!

– И что я должен тебе сказать?

– Ну, хотя бы, сколько времени ты собираешься увиваться за этой бабой. Такой позор на мою голову!

– Что ты несешь! И вообще, откуда ты здесь взялся?

– Я пришел вразумить тебя и проводить...

– Меня? И куда это ты собрался меня провожать?

– Тебя ждут большие перемены, а ты к ним не готов.

– Какое тебе до меня дело? Кто ты, в конце концов?

– Да какая разница! Хорошая баба, должен тебе признаться, хорошая... только не по зубам она тебе.

– Баба? – удивился Федор и тут же вспыхнул: – Да кто ты такой, чтобы так отзываться о ней!

– Я никто, впрочем, как и ты... и еще, такая красивая баба в жизни тебя бы не выбрала...

– Это почему же? – изумился Федор.

– Ты вроде ничего себе, высокий, не тощий, солидный с виду...

Федору было приятно слышать лестные слова в свой адрес, только вот *с виду* его несколько смутило.

– Но слабый очень... – продолжал дикарь, – жрешь много, говоришь много, боишься ее, хочешь ее... Она всегда чувствует, когда хочешь, и особенно – когда боишься... А она тебя не хочет, я не почувствовал этого. Если бы хотела, я бы почувствовал. У меня нюх, как у собаки! А когда женщина хочет, от нее так и несет желанием. Это надо носом чувствовать, и только потом понимать... Я не почувствовал.

– Да что ты такое говоришь! Никто ее не боится! Ну, что, что тебе от меня надо? Что, что я должен был сделать? – словно перед самим собой оправдывался Малюта.

Дикарь молчал и презрительно смотрел на Федора, и его молчание было красноречивей любых слов. Через мгновение он исчез. Федор сидел за своим столом и повторял: «Я не почувствовал, не почувствовал...»

Секретарша, услышала голос шефа, говорившего с кем-то на повышенных тонах, и тихонечко подошла к двери. Прислушавшись, она убедилась, что Федор Малюта в кабинете был совершенно один.

– Если человек разговаривает сам с собой – это ещё не значит, что он рехнулся. Каждый из нас говорит сам с собой... – успокоила себя секретарша и принялась за работу.

Прошел месяц. Малюта был на грани срыва, он по-прежнему плохо ел и почти не спал, а все его помыслы были об Ирме. Наконец, он решился и в третий раз вызвал Вавилину к себе на прием. На этот раз снова через Аллочку.

– Да вы наглец, Федор Антонович, как я посмотрю... Как вы смеете! – возмущенно заявила Ирма, стремительно проходя к нему в кабинет.

Федор молча запер дверь на ключ, на ватных ногах подошел к Ирме и рухнул перед ней на колени.

– Я вас умоляю, Ирма Николаевна, не губите меня, только выслушайте. Я не хотел вас обидеть, тем более не хотел оскорбить... вы действительно неправильно меня поняли... Я всего лишь хотел пригласить вас куда-нибудь...

– Куда-нибудь – это интересно куда? – спросила Ирма, вопросительно приподняв брови. – Как говорил мой бывший: «Поехали в лес, покажу город!» Так что ли?

Только Федор не слышал ее, он лишь заворожено смотрел на свою избранницу и что-то про себя бормотал. Она для него была что икона. Правда, упоминание *бывшего* несколько насторожило Федора, но в этот момент ему определенно было не до этого.

– Говорите же, чего вы молчите? Куда это вы собрались меня пригласить? – наседала Ирма.

– Ну... это... как бы это вам сказать...

– Как можно короче!

– Ну, хотя бы в ресторан, к примеру... – с трудом произнес Федор, а в конце выдавил из себя: – Я...я... не могу без вас жить... я люблю вас, Ирма Николаевна... люблю... и ничего не могу с собой поделать...

– Ах, вон оно что... – Ирма презрительно-подозрительно посмотрела на Федора. – Любите, говорите? Ресторан, значит... Только учтите, голубчик, я не свободна... Вы никак забыли об этом?

– Нет, как можно! не забыл... нисколько! Я помню: вы замужем...

– Всё, что вам положено знать, так это то, что я несвободна! Можно быть свободной и при этом быть замужем, а можно и наоборот... Вам понятно?

– Конечно, я все понял... замужем, то есть несвободна... я только на расстоянии, я только платонически... я ведь только поужинать... только поужинать... Это как бы и не возбраняется... – щебетал Федор, глядя на нее с колен, словно на богиню.

– Хм... возможно, возможно... и всё же странно всё это... как-то странно... платонически... любопытно! ей-богу, любопытно... Мне надо подумать... Да встаньте же вы наконец!

– Подумайте, Ирма Николаевна, ради бога подумайте, – бормотал Федор, вставая с колен. – На неделе вам нужно будет еще раз прийти...

– Только не говорите, что снова по делу! – рассмеялась Ирма. – Иначе я верну вам вашу халупу... Вам ясно, Федор Антонович?

– Я... нет... то есть... не надо халупу... черт – квартиру...

Ирма перебила его.

– Скажите прямо: что приглашаете меня свидание. Позвоните мне на неделе, и мы договоримся о встрече, а там будет видно.

Когда Ирма ушла, Федор с опаской оглянулся. Сзади него стоял дикарь.

– Ничего не чувствую... ничего... не любит она тебя, не хочет, не отдастся тебе... по крайней мере, по хорошему...

– Что теперь? – устало спросил Федор. – Что, что я снова сделал не так?

– Все не так! Все! Чего ты вообще добиваешься?

– Разве не ясно? Ее расположения.

– Расположения? *Это* теперь так у вас называется?

– Что ты хочешь сказать?

– Разве ты не видишь, что ей от тебя что-то надо! Ей не нужна ни твоя халупа, ни ты... Что-то другое...

– Что?

– Не знаю... но знаю одно: такой самке всегда нужен самец... сильный... а ты слабый...

– Это я слабый! Да ты знаешь, что я могу? От меня зависит...

– Я хочу лишь сказать, что ты хочешь ее, но только почему-то боишься в этом признаться и ей, и себе... О какой-то любви болтаешь... Так хотя бы мне признайся, что ли! Расположения он, видите ли, добивается! Ты хочешь поиметь ее, вот и всё! Вполне нормальное желание. Понимаю. Я бы тоже не прочь ее завалить... Только вот делать то, что делаешь ты, не стоит, я бы точно не стал. Если, конечно, ты не хочешь стать ее подружкой или подушкой.

– Не говори ерунды! Я готов ради нее на всё! Я люблю ее!

– Неверный ответ! – с этими словами дикарь сплюнул и куда-то исчез, так же таинственно, как и появился.

С тех самых пор, как Федор познакомился с Ирмой Вавилиной, пришелец из каменного века стал у него частым гостем. Обычно он появлялся с появлением Ирмы: этой женщине каким-то образом удалось затронуть доселе затаенные чувства Федора, чувства, о существовании которых он никогда не догадывался. Она буквально сводила его с ума, его сознание раздваивалось и порождало *то*, что, видимо, так хотела видеть, осязать, почувствовать Ирма, *то*, чего ей так дико не хватало в жизни – настоящего мужского начала, дикаря...

Через неделю Вавилина сидела в кабинете Федора, куда он ее в очередной раз пригласил под предлогом оформления каких-то документов.

– Так вы согласны, Ирма Николаевна?

– С чем это еще, позвольте поинтересоваться? – непонимающе спросила Ирма.

– Ну, как? Разве вы не помните наш разговор?

– Какой еще разговор? Простите, память-то у меня девичья, не помню, хоть убейте...

Федор смутился и забормотал, протягивая ей бумагу:

– Вот здесь подпишите... и еще вот тут... Я в прошлый раз хотел вас пригласить поужинать... помните?

– Ах да! Вот теперь припоминаю...

– И? – Федор умоляющим взглядом посмотрел на женщину.

– А почему бы и нет! Поужинать в компании с таким представительным мужчиной, тем более с чистыми помыслами... Почему бы нет?.. Вы прямо джентльмен, Федор Антонович!

Федор Малюта расплылся в широкой улыбке.

– Спасибо, Ирма Николаевна! Вы очень любезны... меня еще никто не называл джентльменом... Значит, по рукам?

Но Ирма оставила его вопрос без внимания, она о чем-то или о ком-то думала.

– Знаете, мой *бывший* любил говорить: «Настоящий джентльмен никогда просто так женщину не ударит...» Позвоните мне на следующей неделе, – с этими словами она резко повернулась и вышла.

Когда она ушла, Федор впервые за последний месяц сумел вздохнуть полной грудью. Он был на седьмом небе от счастья, он был так воодушевлен ее согласием, что снова не предал значения упоминанию о таинственном бывшем... «Она согласна! Есть! Есть! Она моя! Наконец-то! Ай да я! Нет, она просто не могла мне отказать! Если не мне, то кому же еще? Всё, всё, теперь уж точно дело в шляпе! Куда же мне ее отвезти после ужина? – витал в облаках Федор. – Может в гостиницу? Нет, так не пойдет. Она ведь не дешева какая-то... В загородный отель! Точно! В отель! Там такая уютная обстановка, точно... Хотя, постой, постой, старина, нет, отель тоже не подойдет... Мало ли, а если я встречу там своих... нет, рисковать нельзя, меня там все знают... Черт! Черт! Черт! Надо снять апартаменты! Ну, конечно, и как же я сразу не догадался! Апартаменты, решено! И что же это меня так трясет, не по-детски? Аж жутко становится, как представлю, что надо будет с ней ложиться... Ведь при одном ее виде меня бросает в дрожь... Битых два месяца я не мог решиться пригласить ее на ужин... Господи! Как же я стану раздеваться перед ней? А, была не была!»

Счастливый Федор предавался сладким мечтаниям, находясь в предвкушении долгожданной встречи, когда опять почувствовал на себе тяжелый взгляд. Дикарь стоял, как обычно, сзади и презрительно исподлобья грозно сверкал своими глазищами.

– Это опять ты?

– А кого ты ожидал увидеть? Не ее ли? – усмехнулся дикарь.

– Да что ты привязался ко мне? Откуда ты взялся, в конце концов? Что за наказание мне такое!

Дикарь стоял, упершись об древко копья, и, как и Ирма, презрительно смотрел на Федора.

– Ну, что тебе теперь надо, она ведь согласилась! Ты сам видел! Ведь видел? Говори! Чего ты молчишь? Она ведь согласилась! Ты почувствовал? Точно, ты почувствовал! Ну, не молчи, отвечай: ты что-то унюхал?

Дикарь молчал. Федор, конечно же, понимал, что его жалкие попытки оправдаться ни к черту не годятся. А то, что Ирма согласилась с ним поужинать, так он и сам в это никак не мог поверить. Он нуждался в этой женщине, как в воздухе, а она смотрела на него как на... букашку. И это при его связях! Да любая женщина на ее месте валялась бы в его ногах и за гораздо меньшую услугу. Любая, а ему была нужна только она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.